

Два взгляда на поэзию Сергея Хомутова

Один на один со временем

*Есть русская
интеллигенция.
Вы думали — нет?*

Вопрос, мучающий всё «бесславное поколение».

Поколению нынешних 20—30-летних намного проще, ибо уже было сказано: интеллигенции больше нет. В то же время «глас вопиющего в пустыне» упрямо призывает к вере в то, что «кругом не масса индифферентная». Каждый раз это вызывает некоторое недоумение. Закончилась ли эпоха интеллигенции, очнулась ли она от наркоза 1990-х, что сейчас интеллигенция? Стихи Сергея Хомутова провоцируют задать эти вопросы, точно так же как и пытаться найти на них ответ, в первую очередь в книге самого поэта («Всё будет в срок», 2010).

«В рекламных шоу, пиршествах тщеславия / Мы преуспели нынче как никто», «Вот земля позади, впереди — только небо», «Сиди да ожидай — состав придёт, / Такой же точно едет в нём народ. / Куда, зачем, в какие времена?», «Мы уходим из тьмы и во тьму — / И к потомкам вернёмся едва ли», «Другие у эпохи короли. / А мы пройдем, как ветерок вдоль поля», «На каком перевале стоим, на каком рубеже?» — всё это строчки разных стихотворений, разных лет, это лишь немногие строчки, но каждая из них — взгляд на часы. Время, кажется, — главный герой и, может быть, главный оппонент Сергея Хомутова. Его лирический герой, говоря о себе, всё время смотрит на циферблат. Его взгляд — попытка бросить вызов течению времени, движению мира. При чтении стихов Хомутова возникает ощущение того, что находишься при разграблении музея, когда разбиваются витрины, хранящие герметичный мир давно ушедшего, когда черта, отделяющая поток экскурсантов, проходящих мимо и дальше — к выходу, уходящих навсегда, стирается, и чуждый мир современности врывается в мир исторической условности. Мир отказывается быть в прошлом времени. Посреди этого «разграбления» стоит поэт — Ахилл, оплакивающий друга и врага. Помнящий о своей уязвимости.

Остановить убегающее прекрасное мгновение, прошлое, детское — желание, которым живёт, дышит лирический герой Хомутова:

*Было в ней что-то божественно-доброе,
Что возвращало в былое сполна.*

*В детство далёкое, время отрадное,
К воле не здешней, счастливой, родной...
Как же хотелось мне крикнуть обратное:
«Божья коровка, останься со мной...»*

Жизнь становится недостижимой, ибо она — в плюсквамперфекте, герой видит себя в центре картины крушения мира, ощущает свою ответственность за него, что придаёт самой ситуации историческую значимость, ибо крушение, в его понимании, и есть история:

*И смотрим с дебильно-умильным лицом,
Как рушится храм или попросту дом...
Вбиваем, вбиваем за клинышком клин,
Вот так и живём — от руин до руин.*

Эсхатологичность поэтического мира Хомутова поражает: он упивается ею, окружающее приковывает своей безнадежной смертностью:

*Что надо ещё для поэта, что надо?
Последний, прощальный огонь листопада,
Последний, сиротский цветок у забора
Да влажная тропка с родного угора...
...
Такая случается милость природы,
Когда опустели уже огороды,
В округе умолкли кузнечиков звоны,
Лишь кличут гортанно кого-то вороны.*

«Нужное» поэту ужасает своим неудержимым порывом к безвременью. В стихотворении что ни образ, то маленькая могилка, частица целого кладбища, где как-то и о жизни говорить неловко, где милость — опустение, где вместо кузнечиков вороны...

Негативность поэтического взгляда не является редкостью в современной поэзии, она никогда не была редкостью, от Пушкина до Орлова. Настораживает другое: негативность взгляда лирического героя стирает весь окружающий мир:

*А друзья-то где? — Потопай
По России, поищи
По вокзалам, по пивнушкам,
По Бульварному кольцу,
По негаданным подушкам,
Не склоняющим к венцу.*

«Ширь земли» к финалу редуцируется в точку:

*А друзья-то где? — При месте,
В тихих холмиках земных.*

И опять поэт остаётся наедине с прошлым, всякий раз по-новому оплакивая его, хватаясь за любую надежду вернуть хоть что-то, частицу, каплю. И бросает горсть земли на его гроб.

«Кладбищенство». Болезнь, от которой Молотов пытался вылечить своего друга, художника Череванина. Болезнь, появляющаяся в переломные эпохи. Череванин не смог

пережить пошлости разночинного мира, который, по сути, и стал родителем интеллигенции. Можно представить, как современный художник переживает кажущуюся концом всего современность (о Мавромати и Тер-Оганяне вспоминать не будем).

Сегодняшний Гамлет поставлен в более суровые условия: Россия последних двадцати лет — энциклопедия кризиса. Провинциальный поэт, хранящий (сейчас очень часто об этом говорят, говорит об этом и поэт Хомутов) русское, чистое, праведное, вынужден лавировать между праведностью и отречением:

*Всё решается в мире любовью,
Были б травы, да птицы, да люди,
Да сходили слова к изголовью,
Да иконы глядели добрее
На плутания наши земные,
Да в зелёной старинной аллее
Душу трогали звуки родные:
Шелест листьев, травы колыханье,
И кузнечиков звонкая лира,
И великая нежность дыханья
В отдаленье от чуждого мира.*

Недаром русский народ всегда почитал юродивых: сложно решить всё любовью в миру, не отдаваясь от него. Лирический герой пытается сыграть эту роль, но его мир раскалывается надвое: есть мир, в котором всё решается любовью, а есть мир «чуждый», от которого следует держаться в «отдаленье». И чуждость эта — временная: «Нас не грани терзали, а граммы, / Килограммы весёлого яда. / Тонны времени гнули да мяли...» Поэт делает попытку быть хранителем — тем, кто неподвластен времени, кто несёт вверенный ему дар, — и находит себя выпавшим из времени: «Случайность печальней других для поэта»!

*Когда выпадаешь из времени, сложно
Вернуться обратно, почти невозможно.
А выпасть из времени в вечные дали
Немногим из нас небеса даровали.*

Заметим, что и «вечные дали» — пространство, в котором время остановилось, в котором оно попросту бессмысленно; время не даёт покоя лирическому герою, он ругает его, проклинает, угрожает вечностью, лишь на миг забываясь среди родной природы («Заволжский край», «Окраинный неповторимый свет», «Ещё пытаюсь уберечь» и др.), преодолевающей цикличность смерть. Муза Хомутова переносит героя в мир идеального или почти идеального прошлого, и, выпадая из времени, он ловит сам себя на обмане, теряя «нить ощущения сквозного».

Поэт ставит сам себя в двойственное положение: его притягивает прошлое, он желает отдаться ему, надевая маску страдальца по ушедшей России, кляня день сегодняшний, в то же время он будто бессознательно жаждет слиться с современностью, не потерять связь со временем. Поэт словно утверждает неправомочность поэзии, которая хранится тем, что было, а не хранит для того, что будет. Но это его поэзия. И вот перед читателем поистине трагедия современного лирика: будто противоречая своему творцу, поэзия, проговариваясь, отрицает отрицание «сейчас», отрицает саму законность такого отрицания. И поэт приходит к стиранию того, что пытается сохранить: «Божья коровка, останься со мной»; Царевна-лягушка у него превращается в стирающуюся с карты Россию; молодость оказывается чересчур порывистой... Много примеров. Миф прошлого трансформируется, теряет герметичность.

И поэт уже не слышит или не хочет слышать «неба содроганье»:

*Нельзя пророком быть во времена безумья,
В такие времена ты должен быть врачом.*

Новая избранная им функция — менее «почётна», но зато прагматична, под стать «железному» веку. Правда, читателя должно волновать другое:

*В мире людном, гудящем, как вече,
Звёздной ночью и солнечным днём
Как живётся тебе, человеке,
Замурованный в теле моём?
Я пойму твои мысли, быть может,
Не таясь в отрешённой тиши,
Что печалит, мучительно гложет,
Откровенно, открыто скажи.
Кто ты — сгусток безмолвья и речи,
Отзвук неба и вечных могил?
Слишком много противоречий
Ты явленьем своим породил.
Кто ты — свет удивительной силы,
Что возвысит собой бытие,
Или тьма, что меня поглотила
И присвоила имя моё?*

Ещё одно противоречие скрывается в самом поэте-страдальце: всегда нужно сделать выбор — быть или не быть. Художник не смиряется, художник ищет свет, часто для этого погружаясь во тьму. Поэзия Хомутова интересна именно тем, что в попытках прорваться к святому, смириться и отречься он не выдерживает этого прекрасного искушения — быть поэтом, несмотря на то, что теряет веру в жгущий сердца глагол. Отказывается от противостояния, но не может удержаться от выпада в сторону ЖКХ... Если быть серьёзным, то поэзия С. А. Хомутова — это диагноз советской интеллигенции, внезапно выпавшей из времени, потерявшей единственного врага, празднующую победу над ним и подсчитывающую контрибуцию. К сожалению, в виде последней она получает двойственность настоящего: уже не время идти в народ, от которого и радости всей, что крест не стабил; уже не совсем ясны идеалы; остаётся только растерянное и непреходящее ощущение недостачи. Поэтому и мечется поэт между всепрощением и неприятием — а что ещё остаётся? Остаётся уверенность в том, что ты поэт, но за уверенностью мелькает, как бес, неверие; остаётся прошлое, но настоящее предъявляет на него права, ибо это непреложный закон течения времени; остаётся мир, который кажется чужим; вера, но:

*Неужели не будет спасения? —
Вопрошаю, не зная кого.*

И, может быть, приходит время не «вопрошать», а просто спрашивать. Но этому тоже нужно учиться — отказать себе в пафосе вопрошания. Недаром лирический герой о себе говорит во втором лице: «Кто ты?» И он же: «Слишком много противоречий / Ты явленьем своим породил». Вторая «Сумеркам» Баратынского, Сергей Хомутов показывает поэта Железного века, «через двести лет». Двести лет, отделяющие Золотой век от века оптоволоконного. Правда, между ними Серебряный век, поэты 1930-х, лирики 1960-х, петербургская поэзия, рок-поэзия, да и современная поэзия. Но, видимо, чему-то пришёл свой срок...

Денис КАРПОВ,
кандидат филологических наук

«Звонящее созвучье — ЖИЗНЬ»

Стихи многих поэтов напоминают глобус: вертится глобус, а вместе с ним крутятся перед читателем города и веси, материки и страны. Не таковы стихи Сергея Хомутова. У них — точный адресат. Это рыбинская земля. Есть города, которые немислимо представить без поэзии. Есть поэты, чье творчество не мыслится без одного-единственного города.

*Милая родина, грустная родина,
Тихая тропка в поля —
Право исконное в некоем роде на
То, что зовётся земля.*

Сергей Хомутов родился в послевоенном Рыбинске, в живописной заволжской его части. Однако подлинное осознание того, что значит для человека малая родина, пришло только с годами.

*В краю, где заборы как скрипки звучали,
Где небо столетние сосны качали,
Где полнила осень добром огороды,
Я вырос под оком родимой природы.*

Его можно назвать продолжателем традиций русской философской лирики.

*От Пушкина до Гумилёва
Легла великая основа.
Единая, как свет с небес,
От Баратынского до Блока
Прошла прекрасная дорога...*

А дальше — Бунин, Заболоцкий, Якушев, Рубцов, чьи интонации порой угадываются в стихах поэта. Хомутов не боится перифразов, вкладывая в давно знакомые строки своё чувство, свою боль, свой смысл:

*Всё на свете, должно быть, не внове,
И душа сопричастна душе,
Вот явилось прозрение в слове,
Но, глядишь, это было уже.*

У Александра Блока есть высказывание о том, что человек есть будущее, а душа человеческая даже в прошлом ищет будущее, заложенное в нём. Время необъяснимо и неотвратимо как философское и историческое понятие. Ценно каждое человеческое мгновение, ценна каждая человеческая жизнь. Они проходят, исчезают навсегда. Поэт не может согласиться с этим — он останавливает мгновения, моменты жизни, пытается восстановить связь между прошлым и настоящим и, пусть хотя бы пунктирно, продолжить «дней связующую нить» из настоящего в предстоящее.

*Всё будет в срок: и радость, и тоска,
И с миром нашим грешным примиренье...*

В истории он ищет ответы на свои вопросы и остро ощущает в себе преемственные связи с далекими предшественниками. Ведь все события, что происходили до нас, имеют

к нам прямое отношение. Всё, что происходит с обществом, не только формирует личность, диктует те или иные дела и поступки, но высвечивает и находит необходимые именно этому времени слова. Жизненные силы лирическому герою дают родная природа, воспоминания детства:

*Окраинный неповторимый свет,
Тобою был я с детских лет согрет, —
Той жизнью удивительно простою.
Дух дорогого мне житься-бытья,
Отсюда проросла строка моя,
Навеянная доброй красотой.*

«Сколько я ни пытался уехать в другие, заманчивые края, какая-то магическая сила тянула меня обратно», — вспоминает поэт. С бережной трогательной любовью пишет Хомутов о городских проулках. Он не может не провести читателя по дорогим его сердцу местам. Поэт подмечает, что и стихи-то у него пишутся только среди родных пейзажей, и поэтические образы и мысли приходят на уютных рыбинских улочках и приволжских аллеях. Ведь именно здесь извещал он

*Босую радость ливней пенных,
Дурманнный дух закатных рос,
И сладость поцелуев первых,
И горечь первых взрослых слёз.*

Здесь к мальчику пришла его первая любовь — любовь к родному слову. Дедушка читал ему вслух Пушкина, Лермонтова, Некрасова. В четыре-пять лет будущий поэт многое знал наизусть. Поэзия вошла в него в раннем детстве, а спустя время трансформировалась в собственное творчество.

Для каждого поэта наиболее важны два периода: детство и начало творческого пути. Детство даёт образ мира, начало формирует творческое «я». Своим детством Хомутов связан с послевоенными годами, начало сознательного творчества приходится на 1970-е годы, когда в литературе в полную силу зазвучали имена выходцев из провинции — Василия Белова, Виктора Астафьева, Валентина Распутина, Николая Рубцова. Вероятно, тогда к поэту пришло осознание, что без чувства родины малой нет Родины большой. Уже в те годы стихи его выделялись гражданственностью, ответственностью за слово.

Призвание требует проверки временем и делами, мерилom которых является полная самоотдача.

*Покуда ты идёшь — всё достижимо,
Покуда дышишь — всё тебе дано.*

Сергей Хомутов живёт содержательно и беспокойно, много общается с людьми. Любит подолгу беседовать с молодыми литераторами о стихах и прозе, о делах литературных и читательских, расспрашивать о новых замыслах. И при этом подсказывает, советует, учит. Скольким начинающим авторам помог мастер добрым советом, критическим словом, ободрением. У него безупречное чувство родного языка, нетерпимость к банальности, расплывчатости и неточности в поэтической строке. Молодым поэтам он незаметно как старший друг. Десять лет руководил Хомутов городским литературным объединением, при нём оно стало носить имя учителя — Николая Якушева. Большинство тех, кто за последние четверть века начал рифмовать в Рыбинске, так или иначе прошли через его требовательный глаз и руки.

Поэт может говорить о людях, природе, времени только через себя, через своё личное мироощущение, через биение собственного сердца. «Зачем надумывать судьбу», если «на

жизнь, что истинной была, возможно только ждать ответа». Но жизнь — это движение, а движение — это дорога. Алгоритм биения сердца сводится к двум классическим точкам: «быть» и «не быть». Быть или не быть литературе, быть или не быть традиционным жизненным устоям, быть или не быть родной природе, быть или не быть, наконец, стране с названием Россия? Как рассчитать, определить расстояние между «быть» и «не быть»?

*Это — путь по тропинке до милого края,
Это — вечных раздумий летящая стая,
Это — строки, что в десятилетия длиною,
И задумчивый свет над твоей сединою.*

Дорога — устойчивый образ русской поэзии. У Сергея Хомутова своя «дорога — поля да березы, да тихая нежность небес». Но если дорога не ведет к храму, зачем она? Тем более что уже давно «душа в ожидании храма». Вот только храм далеко не всегда «в ожиданье души», нередко разрушен диким набегом безбожного времени.

*Этот храм не спасут, это чудо возвышенной воли;
Сквозь надтреснутый купол осеннее небо сквозит...
Не от боли сжимаюсь, скорее, от вечной недоли,
Что на завтрашнем дне, как на шее котомка, висит.*

И хотя поэт верит, что «прольётся Божественный свет с высоты на печальные своды святыни», его пронизывает боль за день сегодняшней, за завтрашний день. Сопричастность всему происходящему — вот, пожалуй, главное свойство стихов Сергея Хомутова.

*Мы полжизни проехали, в полку лицо уронив,
Мы детей проглядели родимых и женщин любимых,
Ничего не открыв до конца о себе и о них,
Заплутав навсегда в постулатах то ложных, то мнимых.*

Отсюда и чувство нечаянной вины за это происходящее:

*Что ни день, самолёты срываются вниз,
И космический вызов печально завис —
То ли нас отвергают уже небеса,
То ли мы опустили под землю глаза?*

Сергея Хомутова можно назвать поэтом чётко определённой, направленной к глубинам бытия и при этом ярко личностной мысли. «Смысл нашего времени состоит в поисках нравственного оправдания радости жизни», — много лет назад записал в дневнике Михаил Пришвин. Спустя годы, на переломном этапе истории, поэт приходит к такому же выводу. Обращаясь ко времени, поэт говорит:

*Как я хочу, всем вопреки приметам,
Чтоб очертанья светлые — предметам
И мудрость в мыслях ты явило — нам,
Не долларовым взглядом воспалённым,
Не поясом шахида раскалённым
Запомнилось грядущим временам.*

Для поэта «мезозойская эра и ближние к нам времена — всё едино, и всё пониманья и чувства достойно». Он живёт во времени. Время пульсирует в каждой его строке. Порой в весьма ироничной форме:

*Трудно спокойствие нам вернуть,
Коль не понять что где?*

*Нынче в огне бы не утонуть
И не сгореть в воде.*

«В полуночной тиши от строки до строки» приходят раздумья о современной жизни, о природе, о назначении человека, о его долге перед родной землёй, звучат и предостережение, и призыв, и утешение, и надежда.

*И с прошлыми днями свиданье,
И новые чувства твои,
И первой листвы ожиданье,
И, может... последней любви.*

Кажется, проще не скажешь. Но какая ёмкая, всеохватная, «тютчевская» эта кажущаяся простота. Быть может, только в одном поэт абсолютно уверен: русская литература рано или поздно возродится, а вместе с ней и всё лучшее, что было и есть в человеке.

*В иные времена, когда опять стихи
Начнёт читать народ и песни петь родные,
Мы обретём себя, замолим все грехи,
Нас воскресит любовь... Во времена иные.*

Нет поэзии без любви. Нет любви без поэзии. Так память об увиденном и пережитом и обобщённый образ детства становятся эстетической программой автора.

*Бессонные ночи, бесплодные дни,
И тьма, и зажжённые миром огни —
Всё это и есть постиженье;
И грустная песня за тихим ручьём,
И всё, что ты принял и думал о чем, —
Пусть где-то найдёт продолженье...*

...Судьбы талантов складываются по-разному. Есть поэты, стихи которых прочитываешь только один раз. Их просматриваешь бегло, по диагонали и только глазами — сердце они не трогают. Под их монотонный ритмический стук хорошо дремлет. Стихи Хомутова иного свойства. В них много тепла, света и простора. Созданные неостывающей душой поэта, они остаются с тобой, всплывая в памяти точным словом или яркой метафорой.

Поэзия Сергея Хомутова обладает свойством спокойной и ненавязчивой доверительности. Стоит только вчитаться, и ты уже видишь, что автор не пророк, не оракул, а человек, мучимый теми же сомнениями, тревогами, надеждами, что и ты. Поначалу всё кажется простым и само собой разумеющимся. Но, вчитавшись, понимаешь, что строки поэта выверены не только личным, но и глубинным, народным опытом.

*Судьба моя, земля моя — Россия,
По указанью Божьего перста
Во мне твои бессилие и сила,
И нищета твоя и высота...*

Простыми и ясными словами поэт умеет сказать то, о чём многие думают, но не могут выразить. Он не подстраивается под выпавший на его долю отрезок вечности, во взаимоотношениях со временем правдив, независим и строг:

*Если век наш не создал возвышенных песен,
Значит, он для грядущего неинтересен.*

Некоторые считают поэзию Хомутова пессимистичной. Московский критик Николай Переяслов даже назвал его плакальщиком. С достаточной долей иронии поэт так сказал об этом:

*Был я мрачен порой, даже очень,
Но пускай за прошествием лет
И от самых мучительных строчек
Остается негаданный свет.*

Сергей Хомутов пытается осмыслить быт и бытие во времени и пространстве на очередном переломе истории. Это своего рода лирическая летопись последних десятилетий и вместе с тем — переключка, незримый диалог времён и эпох. Автор уверен: только поэзия способна передавать вести из одного времени в другое. Так дети компьютерного века, читая Пушкина и Некрасова, воспринимают их стихи, словно они написаны сегодня.

Поэт не может оставаться равнодушным ко всему, что мешает жить, любить и работать, что разрушает связь времён, веру в человека. Вот почему часто его стихи становятся разяще-непримиримыми:

*Ещё недавно столь великая,
А в отдалении — Святая,
Теперь же — воровская, дикая,
Расхристанная и пустая.*

Здесь Хомутов напрямую обращается к России, и неожиданно всплывает полузабытый, но обновлённый бунинский образ:

*Лишённая глубокой памяти
Уже почти необратимо, —
Как будто нищая на паперти,
Где все тебя проходят мимо.*

Строки Хомутова афористичны, в сознании читателя они оставляют след, прочерченный чувством и словом: «Привела дорога к Храму, / Только вот — порушен Храм», «Человечество не удалось, / Надломилась небесная ось». Мысли здесь полемически заострены, но тем сильнее их воздействие на читателя. Не боится он прослыть и сентиментальным, пожалуй, даже наоборот. Вкус и чувство меры надёжно оберегают поэта от слащавости.

У Сергея Хомутова обострённое чувство долга, ответственности за этот мир со всеми его радостями и горестями, за судьбу родины, большой и малой. Но подлинное чувство чуждо риторике, оно не кричит, оно всегда немного загадочно, оно всегда глубоко потаённо.

*И верю, и люблю, и жду,
И припадаю к образам,
Свою сокрытую звезду
Ищу, скользя по небесам.
И — каждый день молю:
«Свершись!»
Но главное судьба дала,
Звенящее созвучье — ЖИЗНЬ
Вошло под сердце, как стрела.*

Вот оно, ключевое слово — «жизнь»! Поэта радует, что жизнь в своей основе осталась той же, что и в его далёком детстве. И, чтобы в этом убедиться, надо всего лишь:

*Вглядеться, как дышит червяк,
Задумчиво кружится жук,
Плетёт свою вечность паук,
Подслушать в ромашках тайком
Беседу пчелы с мотыльком.*

Картины природы родного края порой реальны до нереальности. Поэтический объект фокусируется то на не понятых людьми дивах-стрекозах, то на мечтающих о золоте царских корон лягушках. Поэт умеет увидеть неожиданное в самых простых вещах.

Сергей Хомутов — поэт остро современный, осмысляющий все победы и беды нашего времени. Вдумчивому читателю, живущему той же жизнью и в то же время, они близки и понятны.

*Каждый чертит свой земной пунктир —
Направленью разному внимают,
Если ты не понимаешь мир,
Не считай, что все не понимают.*

Свой внутренний мир поэт проецирует на развернутое, многомерное изображение жизни:

*Но рябины рдяные вокруг,
На песке мальчишка чертит круг, —
Может, в нём от нечисти спасаясь.
Век тяжёл, но разве кто-то нам
Предрекал другой?.. По сторонам
Сам ищи спасительную завязь.*

Возможно, были времена, когда и солнышко ярче светило и люди лучше были. Но поэт живёт своим временем, изменчивым и непредсказуемым, сложным и апокалипсическим. Оно даёт возможность ему испытать любовь и ненависть, боль и радость и выразить их собственным словом. Он стремится собрать в своих стихах все краски, все звуки родной земли, не создавая при этом духовной перенасыщенности.

*Я врос в эту почву руками и словом своим,
От жизни глубинки затерянной неотделим,
От этих тропинок, домишек, живых родников,
От сёл исчезающих, смятых судьбой мужиков,
От баб, что рожают всё меньше и меньше уже,
От горьких раздумий, что боль оставляют в душе.*

Россия — страна большая, но поэтам ещё дано такое право стирать «белые пятна» на её литературной карте. Мы знаем Рязанщину Есенина, Смоленщину Твардовского, Вологодщину Рубцова... Сергей Хомутов наносит на карту поэтической России свою малую родину — дорогу его сердцу рыбинскую глубинку.

Сергей КОТОВ,
литератор